

ПУТЕМ ВЗАИМОВЛИЯНИЯ ПРОМЫСЛОВЫЕ КУЛЬТЫ АМУРСКИХ НАРОДОВ И ИХ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ

Сергей Васильевич БЕРЕЗНИЦКИЙ,
кандидат исторических наук

Как известно, основными источниками традиционного существования коренных народов Нижнего Амура и Сахалина были охота, рыболовство и собирательство. В девственной тайге не было другой возможности добыть пищу, и выжить можно было только промыслами. Перед охотником стояла сложная задача обнаружить зверя в тайге, добыть его и доставить в стойбище. Охота не всегда оказывалась удачной, и нередко он возвращался домой без добычи. Исход всех усилий зависел от многих естественных и сверхъестественных причин. К первым можно отнести неисправное снаряжение, неверно выбранный маршрут или время преследования зверя, плохую погоду, лесные пожары, недомогание человека и т.п. Вторая причина заключалась в огромном влиянии на удачу охотника сверхъестественных сил, в существование которых он безоговорочно верил.

Согласно традиционным представлениям коренных народов Амура, весь окружающий их мир — небесный, земной и подземный — наполнен душами и духами. Каждым отдельным участком географической местности заведует свой хозяин, который следит за тем, чтобы люди не брали ничего лишнего в его владениях, и строго наказывает провинившихся. Чтобы задобрить этих существ, заручиться их поддержкой, охотники и рыболовы совершали жертвоприношения. Они полагали: если угостить духов, то они, в свою очередь, тоже отнесутся к людям благосклонно, помогут поймать зверя или рыбу, найти орехи и ягоды, избавят от болезни в дороге и в целом принесут охотничье счастье.

В системе промысловых обрядов можно назвать несколько основных. В их числе такие ритуалы: жертвоприношение добрым духам для получения общей удачи в таежной охоте, жертвоприношение для того, чтобы добыть конкретное животное, жертвоприношение перед началом морского зверобойного промысла, жертвоприношения для успеха в морском и речном рыболовстве, а также жертвоприношения мифическим таежным великанам и некоему горбтому карлику.

Исследование промысловых обрядов коренных народов Нижнего Амура и Сахалина позволяет проследить их этнические особенности, а также параллельные сюжеты тех или иных ритуалов, возникшие в результате тесных этнокультурных контактов, взаимовлияния культур.

Перед началом сезона таежной охоты нужно было угостить главного доброго духа **Эндури**, духа-хозяина тайги и зверей **Дуся эзэни**, духов-хозяев земли и огня, духов-хозяев местности. В основных чертах эти промысловые обряды были схожи у всех коренных народов Амура. Естественно, что существовали этнические различия тех или иных аспектов. С другой стороны, отдельные моменты были сходными у народов, принадлежащих даже разным языковым семьям. Так, в этнографической литературе описан ороцкий обряд жертвоприношения духу-хозяину тайги **Дуся эзэни** (20, с.439—440). Перед началом промысла в тайге охотники убивали жертвенную собаку, которую привязывали к священному дереву с вырезанным на нем антропоморфным изображением. Подобный жертвенник зарисовал в середине 1920-х годов Б.А. Васильев (Рис.1. Место для жертвоприношения в тайге. Рис. Б.А. Васильева. Архив РЭМ. Ф. Ил. №21418. Копия С.В. Березницкого). Кровью собаки смазывали деревянные антропоморфные фигурки и просили земных и небесных духов о помощи. Часть жертвенной собаки съедали. Некоторые ученые считают, что ритуал съедения собаки орочи заимствовали у нивхов, известных древних кинофагов (13, с.225; 18, с.214).

Нанайцы, ороки, удэгейцы и ульчи ради удачи на промысле угощали фигурки духов-хозяев огня, земли, жилища. Тумнинские орочи сооружали для этого своеобразный культовый комплекс (Рис.2. Место для жертвоприношений духам. Рис. С.В. Березницкого с наброска А.Ф. Мулинки). Они обтесывали комель специально выбранного дерева по всему стволу и привешивали пучки свежих древесных стружек. Из колышков и кусков коры делали навес. Под навес ставили деревянные фигурки духов-хозяев земли **На эзэни** и огня **Пудзя**. Лица антропоморфным фигуркам мазали жиром, кровью домашних и лесных животных, рядом складывали кусочки мяса, хлеба, табак и спички. Подобен охотничий ритуал ульчей: они тоже обтесывали дерево, использовали стружки, рыбу, кашу и спиртное (10, л.20—21).

С обрядом угощения духа-хозяина огня связано старинное предание, которое в несколько отличающемся виде характерно для ряда нижнеамурских народов. В одном из вариантов предания хунгарийских орочей говорится о том, как охотника преследовала неудача на промысле из-за того, что он не угощал духа-хозяина огня. Окончательно отчаявшись, он выразил свою злость тем, что стал колоть острием ножа горящий костер и поранил, по мнению информантов, духа-хозяина огня **Пудзя**. Через некоторое время он сильно заболел. Для того чтобы выжить и помириться с разгневанным духом, охотник, по совету шамана, принес в жертву хозяину огня собаку. Лишь после этого он снова стал удачно охотиться. В подобном предании сахалинских ороков говорится о том, что дух-хозяин огня **Тава эзэни** наказал человека смертью за жадность и плохое с ним обращение. Очень образный случай из своей охотничьей практики рассказал эвенк Е.В. Соловьев (15). У него однажды наступила полоса невезения на промысле. Не помогли никакие приемы и методы. Наконец, мать посоветовала ему угостить духа-хозяина огня вином и разноцветными тряпочками. Молодой охотник послушался совета, и к нему пришла удача. С тех пор, как он сам уверяет, он всегда угощает духа-хозяина огня.

Есть у аборигенов Амура и предание о первом угощении духов-хозяев земли, похожих на чету седых стариков. Лишь после того, как охотники совершили обряд жертвоприношения, они получили возможность удачно охотиться. Это предание было записано у представителей хунгарийской группы орочей, имеющих, по их же словам, тесные родственные связи с удэгейцами (5, л.107). Из этого предания можно вычленить явно заимствованный внешний вид духа-хозяина земли. Согласно антропологическим материалам, в традици-

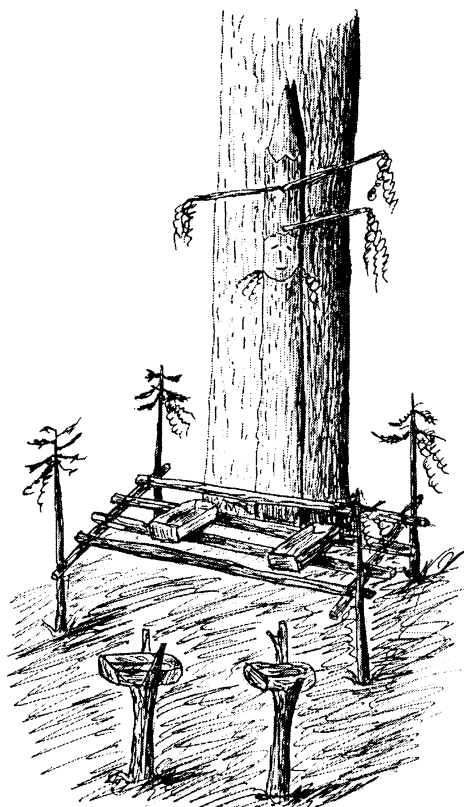

Рис. 1.

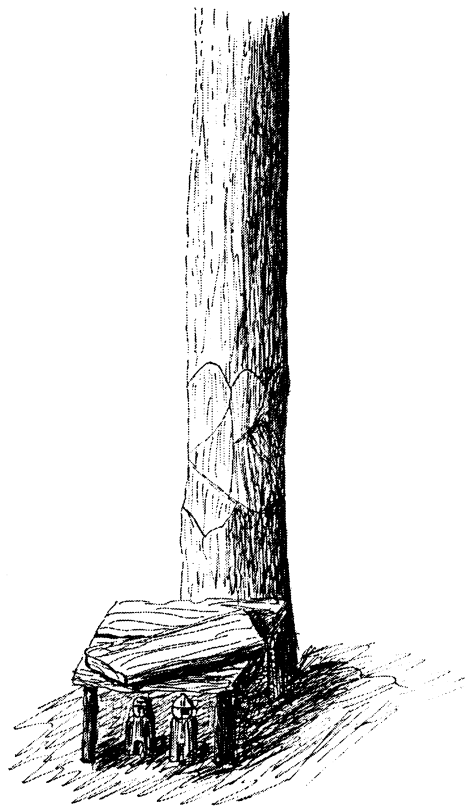

Рис. 2.

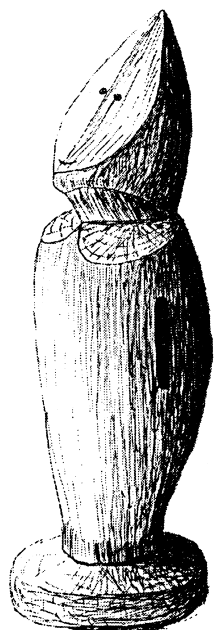

Рис. 3.

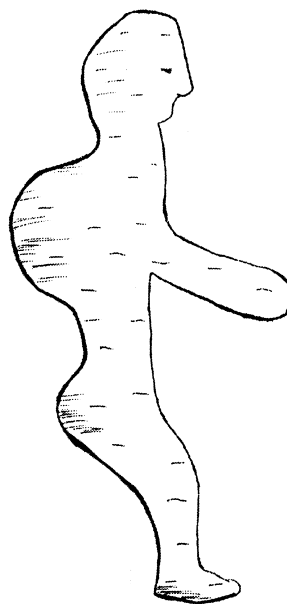

Рис. 4.

онном обществе орочей практически не было седых людей (11, р.203—204). Особое внимание следует обратить на терминологию ритуала угощения духов, имеющую однокоренную основу у народов региона. Ульчский термин — **чэк-тэри**; у орочей приносить жертву называется **чвэндэ**; у эвенков обрызгивать, кропить вином или жиром жертву духам называется **чачали, чэвэ**; у ороков подобный ритуал носит название **чэутчи**; у разных групп нанайцев — **чичи-кэлэ, чуэлэчи**; у маньчжуров также имеется подобный термин, производный от монгольского **чачу, чачурэ** — брызгать вином или кровью в жертву духам (16, с.386—387). Относительно духа-хозяина земли существовали различные запреты и предписания. Землю нельзя было без особой причины ковырять чем-либо острым или выливать на нее что-то горячее без разрешения духа.

Чтобы заручиться поддержкой добрых духов на промысле и одновременно защититься от злых, охотники носили на груди или поясе деревянный, каменный, реже металлический амулет — охранитель охотника (Рис.3. Энгаля — охранитель охотника. Рис. С.В. Березницкого). Анализ названий охранителя также позволяет предположить древний общий пласт для рассматриваемых этносов. Так, у найхинских нанайцев он назывался **ахэ, эджэха, аджэха** (16, с.11); так же его называют ульчи; у тумнинских орочей и бикинских удэгейцев амулет называется **энгаля, ангаля**.

В промысловой обрядовой практике всех коренных народов Нижнего Амура и Сахалина существуют представления и ритуалы, связанные с культом мифических таежных великанов. По мнению информантов, внутри некоторых скал, утесов и пещер живут огромные таежные существа мужского и женского рода. Иногда они воруют маленьких детей и превращают их в себе подобных. Великан любит похищать молодых красивых девушек, с которыми живет до их старости, а потом отпускает. Польза таежных существ заключается в том, что они могут принести охотничью удачу. Для этого охотнику нужно провести ночь с великаншей и получить от нее талисман охотничьей удачи, находящийся на половом органе (19, с.177). Охотничий успех можно получить, если оторвать мошонку у великана, в которой и находится талисман. Для того чтобы уберечь детей от похищения, охотники оставляли в местах проживания великанов угощения. И в наше время нижеамурские и сахалинские информанты рассказывают многочисленные и очень схожие по сюжету предания о счастливом спасении их сородича от великана или великанши и получении охотничьего форта.

У нанайцев, удэгейцев и орочей существует представление и о таежном карлике **Багдыхе**. Карлик очень страшный: весь покрыт шерстью, горбатый и одноногий. Он занимает промежуточное положение между добрыми и злыми существами. Сам убить человека он не может, но зато заставляет людей блуждать на охоте по тайге, создавая ложное эхо и мнимые голоса людей. Очень любит карлик бросать в людей камни на скалистых склонах. Чтобы прошла боль, нужно обязательно пошаманить (4, №27, л.247). Иногда охотники изготавливали фигурку **Багдыхе** из дерева или бересты и угощали с просьбой не мешать на промысле (Рис.4. Карлик Багдыхе. Рис. С.В. Березницкого с наброска Н.Д. Акунки).

В промысловых обрядах широко применялась магическая скульптура. Охотник угощал деревянную фигурку в виде животного, птицы или духа и просил для себя удачи. Нередко изготавливали изображения, которым совершали жертвоприношения для успешной охоты на конкретного зверя, например, лося, соболя или медведя. При этом медведь выступал не просто как промысловое животное, а как священный предок, сородич. Обособление лося от остальных животных связывалось с тем, что он был важным источником пищи. Промысловое значение соболя возросло, как известно, лишь с прихо-

дом русских переселенцев. Причем этот процесс отразился почти одинаково на охотничьей деятельности всех народов Амура. До этого аборигены считали лучшим мех росомахи и других пушных животных.

Духов-хозяев земли и огня нужно было угостить и перед отправлением на ловлю морской или речной рыбы. Кроме того, много сходных черт обнаруживается при исследовании ритуалов угощения речных духов перед или после путины, в момент становления реки и после вскрытия льда. Наиболее общим элементом являются жертвенные блюда, изготавливаемые из дерева в виде рыб и птиц. Подобный образ проходит лейтмотивом в промысловых жертвоприношениях коренных народов Амура. Одним из существенных отличий является представление о хозяевах морской и речной рыбы. Все группы орочей представляли, что рыба, идущая на нерест из моря в реки, переходит в подчинение к духу-хозяину речных рыб из владений духа-хозяина рыб морских. Первый похож на огромную рыбу с человеческой головой (1, с.225). Для особо ценных в промысловом отношении рыб (кеты, горбуши, калуги, тайменя) были свои хозяева и хозяйки, имеющие сходные названия у ряда народов. Например, **дава эзэни** — хозяйка кеты.

Немало сходных черт можно выявить в культовом комплексе коренных народов Амура и Сахалина при проведении морского зверобойного промысла. К примеру, при добыче нерпы на морском побережье собирались не только местные жители, но также ульчи и негидальцы, приехавшие с Амура и Амгуни. Они участвовали в уже сложившихся ритуалах перед началом промысла: угощали духа-хозяина моря юколой и черемшой. Бригадой промысловиков командовал самый опытный охотник **сягдунды** (14, л.13—15). Еще одним фактом, говорящим о древней общей основе духовной культуры аборигенов региона, является то, что в указанных обрядах шаман не принимал участия. Следует подчеркнуть, что культ нерпы по сравнению с другими народами Нижнего Амура и Сахалина был наиболее развит у нивхов. В настоящее время нижнеамурские информанты уже не могут объяснить, для чего нужно было бросать голову съеденной нерпы в море. Нивхи же и сегодня считают, что сохранение ее черепа необходимо для дальнейшего возрождения зверя. От нивхов к орочам и, возможно, к ульчам, перешел обычай изготавливать мужские шаманские юбки из нерпичьей шкуры (18, с.215).

Следует отметить также особенности в области морского промысла. Работы предыдущих исследователей и современные полевые материалы позволяют сделать заключение о том, что дельфины являлись священными животными для отдельных территориальных групп орочей, ороков, удэгейцев. Так, орочи и удэгейцы, жившие прежде на р. Ботчи, никогда не трогали костей дельфинов, косаток и китов, выброшенных морем на берег. Они боялись, что после нарушения запрета море перевернет в шторм лодку провинившегося человека. Орочи окрестностей г. Советская Гавань, наоборот, использовали кости этих животных для изготовления полозьев нарт (4, л.63, 210; 3, с.100). Однако для всех групп орочей и удэгейцев косатка считалась сверхъестественным предком и одним из воплощений духа-хозяина моря. Они никогда не охотились на нее и дельфинов по своей воле. Лиманские же нивхи промышляли дельфинов и употребляли в пищу их вяленое мясо (9, л.4).

В промысловой обрядовой практике нижнеамурских народов известны ритуалы угощения отдельных скал, утесов, перевалов, сопков для получения удачи и защиты от неблагоприятных погодных и дорожных условий в таежной и морской охоте и рыбной ловле. Раньше амгуньские негидальцы перед началом промысла на Чукчагирском озере совершали обряд жертвоприношения его духу-хозяину, живущему в пещере **Каункан** на одном из мысов. При въез-

де в озеро нужно было выстрелить из ружья или, разрядив патрон, высыпать заряд в воду. Этим ритуалом предупреждали духа-хозяина озера о предстоящем промысле. Подвезжая к пещере на лодке, охотники бросали духу табак, спички, медные и серебряные монеты и просили удачи (7, с.32). Очень сходный ритуал выполняли амурские ульчи, заплывая для промысла в некоторые заливы. По словам ульчанки Н.И. Дяксул, такое угощение нужно было делать только раз, потом дух должен пропускать охотника без платы. Нередко умиловительные ритуалы совершались перед выходом на промысел в стойбище и непосредственно на месте охоты или рыбной ловли.

Совершенно особое место в промысловой обрядовой практике и культурах коренных народов Нижнего Амура — негидальцев, нивхов, ульчей, эвенков — занимает Тырский утес. Мы записали несколько названий утеса (7, л.242—248). По мнению негидальца К.А. Мани, Тырский утес с Амура представляется как мощное укрепление, стена, препятствие на границе и означает «кулак» (в смысле — сжатые в кулак пальцы). Кальминский негидалец С.А. Гохта Тырский называет утес **Тыр кадала**, **Тыр кадаани** — «шибко большой камень, скала». Похожим термином, по словам Н.И. Дяксул, называют утес ульчи. Нивхинки А.В. Вагуна и З.Г. Вальдю считают, что в переводе на русский язык Тырский утес означает «Обозрение» или **Тыр ых** (где **Тыр** — утес, а **ых** — самое высокое место в окрестности). Проживающие сегодня в окрестностях Тыра народы убеждены, что внутри скалы есть пещера, в которой обитает ее дух-хозяин. По внешнему виду он напоминает невысокого старика с седой бородой. Если духа не угостить перед выходом на охоту или рыбную ловлю, он обидится и накажет человека. Звери и рыба станут прятаться от нарушителя древнего ритуала. Может случиться и более серьезная беда — на глубоком месте Амура или озера перевернется лодка. Ритуал угощения духа-хозяина утеса совпадал в основных деталях у нивхов, негидальцев, ульчей (продукты, применяемые для угощения; общий камень, куда их складывали, и т.п.). Более того, люди разных этнических общностей могли вместе совершать эти ритуалы. К хозяину утеса обращались за помощью и в случае гибели кого-либо из членов семьи на промысле. Тогда родственники приходили к утесу, приносили угощения, просили духа, чтобы он обеспечил хорошую жизнь душам утонувших в потустороннем мире и шли к месту трагедии, где умиловительный ритуал повторяли.

Определенное место в духовной культуре аборигенов Амура занимают природные объекты, которым поклоняются не только в промысловых целях, но и для получения здоровья и счастливой жизни. Так, до недавнего времени в ритуальном комплексе удэгейцев иманской группы бытовала священная скала **Гугя** (17, л.71—77). Эта огромная скала находится в 10 км от с. Островное. У эвенков термины **гугдакта**, **гугдан** означают «горный хребет, высота, сопки»; у негидальцев **гогдакта** — «вершина, высокий горный хребет»; в хорском диалекте удэгейского языка **гугда** — «высокий» (16, с.166). В старинном предании говорится, что почитание этой скалы связано с таинственным стариком по имени **Гугя** из неизвестного племени **наху**. Где точно проживает это племя, никто из удэгейцев не знает. Известно лишь, что там растет белая и мягкая вата. Однажды этот старик зашел в пещеру и окаменел. Удэгейцы приняли окаменевшего человека за божество и стали ему поклоняться. Они приходили к скале, угощали **Гугя** и просили у него удачи в промысле, исцеления от болезней, увеличения жизненной силы, счастья себе и сородичам. Тумнинские орочи до сих пор почитают две священные скалы в устье р. Тумнин (6, с.34—35). Эти скалы имеют очень сложный полифункциональный образ. Они считаются и первопредками орочей, и объектами, могущими дать на про-

мысле хорошую погоду, счастье и здоровье. У амурских ульчей подобным объектом поклонения является Ауринский утес.

До недавнего времени у коренных народов Нижнего Амура существовали индивидуальные и коллективные обряды, связанные с культом деревьев. Ритуалы поклонения включали в себя жертвоприношения определенным видам деревьев. Обычно такое дерево выделялось своим внешним видом и местом расположения. Найхинские нанайцы считают, что для этой цели раньше выбирали осину или черную березу. Иманские удэгейцы поклонялись бересте. Охотник вырезал на стволе дерева антропоморфное изображение или треугольник, в который складывали приносимое угощение, и просил у духов удачи на промысле и счастья в жизни. В традиционном обществе коренных народов существовало неписаное правило, согласно которому нужно было повторять ритуал каждый год, если священное дерево помогло в трудную минуту. Коллективные жертвоприношения подобным священным родовым деревьям наиболее характерны для традиционного общества нанайцев. Возможно, что концентрация обрядов у нанайцев, совершавшихся с коленопреклонением, связана с их более тесными, чем у других нижеамурских этносов, этнокультурными контактами с маньчжурами и китайцами.

Анализ культа природных объектов показывает, что отдельные представления и обряды народов Нижнего Амура и Сахалина сходны. Большое значение имеют этнокультурные контакты с этносами соседних стран. Возможно, именно благодаря таким контактам возникло почитание удэгейцами священной скалы **Гугя**. Похожая на хлопок растительная вата позволяет предположить древние этнические контакты иманской группы удэгейцев с представителями южных народов. Заимствование орочами ритуала съедения жертвенной собаки у нивхов можно объяснить либо этнокультурными связями этих народов с преобладающим влиянием в этом случае нивхской традиционной культуры на орокскую, либо сохранением ритуала частью нивхских переселенцев, влившихся в состав орочей. Описанный ритуал жертвоприношения духам земли явно говорит о существовавшем ранее едином для указанных народов культе Земли, Среднего мира. Ритуалы, связанные с запретом нанесения боли острыми или горячими предметами земле, очевидно, ведут свое происхождение из кочевого мира. Возможно, в район Нижнего Амура они были принесены посредством этнокультурных контактов с монголами. Сходный образ мифических великанов и связанная с ними обрядовая практика создают специфический нижеамурский комплекс представлений. Культ таежных существ имеет в своей основе сплав промысловых ритуалов с древнейшими вагинальными и фаллическими культами плодородия. В результате этнокультурных контактов у народов региона сложилась своеобразная система промысловых культов, связанная с Тырским утесом. На протяжении нескольких столетий утес являлся священным местом для ряда этнических общностей.

Следует отметить также трансформацию древних промысловых обрядов. Так, предыдущие исследователи отмечали, что в качестве жертвоприношения духам, отвечающим за определенные участки географической местности, нужно было применять лишь то, чего не было в подвластных им владениях. Другими словами, духов тайги и земли нельзя было угощать кровью, мясом и жиром животных, существующих на земле и в лесу. Соответственно морских духов нельзя было угощать продуктами морского происхождения: рыбой, мясом и жиром нерпы и т.п. Приведенные же материалы показывают, что в нашем столетии это правило постепенно утратилось. Сначала охотники угощали духов кровью и мясом любых животных. Затем все чаще стали заменять кровавые жертвы табаком, хлебом, крупой. Подобные изменения характерны для

всех групп коренных народов Нижнего Амура и связаны с рядом этнических, политических и экономических причин и культурных взаимовлияний.

Отмеченные промысловые культы имеют, на наш взгляд, несколько общих причин происхождения. Это общецивилизационный процесс развития древних форм духовной культуры, общие естественно-географические условия проживания указанных народов в регионе, изменения в системе их верований и обрядов, связанные с действием этнокультурных процессов и этнокультурных связей между отдельными этносами и отдельными родовыми и территориальными группами одного народа.

1. Аврорин В.А., Лебедева Е.П. Ороцкие тексты и словарь. Л., 1978.
2. Акунка Н.Д., ороц 1914 г. рождения, п. Снежный Комсомольского района, Хабаровского края.
3. Арсеньев В.К. Сквозь тайгу. М., 1949.
4. Архив ПЦРГО ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп.1. №10; №27.
5. Березницкий С.В. Социально-экономическое и культурное развитие народов Нижнего Амура (нанайцев, негидальцев, ульчей, орочей): Традиции и современность. Этнографические исследования 1990—1991 гг. Архив ИИАЭНДВ ДВО РАН. 1992. Ф.1. Оп.2. №364.
6. Березницкий С.В. Священные скалы орочей и удэгейцев // Четвертая Дальневосточная конференция молодых историков: Докл. и тез. Владивосток, 1996. С.34—35.
7. Березницкий С.В. Система верований, обрядов и культов негидальцев // Вопросы археологии, истории и этнологии Дальнего Востока: Сб. статей. Владивосток, 1997. С.30—42.
8. Васильев Б.А. Архив РЭМ. Ф. Илл. Орочи. Коллекция Б.А. Васильева.
9. Куфтин Б.А. О материальной культуре, шаманизме гиляков: Побережье Охотского моря, Татарского пролива, о. Сахалин. Полевая записная книжка. Архив МАЭ РАН. 1927—1928 гг. Ф.12. Оп.1. №41.
10. Куфтин Б.А. О материальной культуре, шаманизме ульчей. Полевая записная книжка. 1927—1928 гг. Архив МАЭ РАН. Ф.12. оп.1. №50. 23 л.
11. Lopatin I.A. Anthropology orochys // American Journal of Physical Anthropology. Vol. XII. № 2. January-march. 1937. P.201-234.
12. Мулинка А.Ф., ороц 1920 года рождения, с.Уська-Ороцкая, Ванинского района, Хабаровского края.
13. Ороцкие сказки и мифы. Составители В.А. Аврорин и Е.П. Лебедева. Новосибирск, 1966. 233 с.
14. Сидоров Н.П. Материалы об орочах. СФХКМ. Ф. 45/1. 24 л.
15. Соловьев Е.В., эвенк 1962 года рождения, с.Владимировка, район им. Полины Осипенко Хабаровского края.
16. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю. Т.1. Л., 1975. 672 с.; Т.2. Л., 1977. 992 с.
17. Старцев А.Ф. Материальная культура удэгейцев (середина XIX—70-е годы XX века). Владивосток, 1975. Архив ДВО РАН. Ф.13. Оп.1. №45. 166 л.
18. Таксами Ч.М. Основные проблемы этнографии и истории нивхов (середина XIX — начало XX в.). Л., 1975. 235 с.
19. Цинциус В.И. Воззрения негидальцев, связанные с охотничьим промыслом // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX — начале XX века. Л., 1977. С.170—201.
20. Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933. 740 с.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ПЦРГО ОИАК — Приморский центр Русского географического общества — Общество изучения Амурского края.
СФХКМ — Совгаванский филиал Хабаровского краеведческого музея.

SUMMARY: The article by Candidate of Historical Sciences Sergei Bereznitsky «By Means of Inter-influence» elucidates the system of trade cults of the Amur peoples and their ethnic-cultural contacts. The author notes that trade cults, which he is describing, have got some general reasons of their genesis, and the author defines these reasons. Besides, the article examines the transformation of ancient trade cults.